

ВОЕННЫЕ
МЕМОУАРЫ

1830
1831

Н.Д. Неелов

ВОСПОМИНАНИЯ
О ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЕ
1831 ГОДА

Военные мемуары (Вече)

Николай Неелов

**Воспоминания о
польской войне 1831 года**

«ВЕЧЕ»

1832-1850, 1878

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

Неелов Н. Д.

Воспоминания о польской войне 1831 года / Н. Д. Неелов —
«ВЕЧЕ», 1832-1850, 1878 — (Военные мемуары (Вече))

ISBN 978-5-4484-5767-8

Николай Дмитриевич Неелов (1800—1850) был не только профессором Императорской военной академии, но и талантливым писателем. Его воспоминания об участии в Русско-польской войне 1830—1831 гг., в которую вылилось подавление восстания в Царстве Польском, написаны хорошим литературным языком. Будучи офицером Генерального штаба, он не только описывает события, но и анализирует действия русского командования, не скрывая допущенных промахов и неудач. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-4484-5767-8

© Неелов Н. Д., 1832-1850, 1878
© ВЕЧЕ, 1832-1850, 1878

Содержание

Обзор театра войны	6
I. Приготовление к походу и поход до границы	13
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Николай Неелов
Воспоминания о польской войне 1831 года

© ООО «Издательство «Вече», 2026

Обзор театра войны

Театр войны обнимал собою почти всю западную полосу России, лежащую по левому берегу Западной Двины, по правому Днепра, и Царство Польское. Западная полоса России составляла театр военных действий резервных армий, а Царство Польское – театр военных действий действующей русской армии. Первый театр обнимал губернии: Минскую, Виленскую, Гродненскую, Волынскую, Подольскую и Белостокскую область; второй – все воеводства Царства Польского, за исключением Калишского.

Западная полоса России разделяется на три пространства, имеющие отличительный и резкий характер между собою. Северное, среднее или Полесье, и южное. Северное заключает: Белостокскую область, губернию Виленскую и северную часть губерний: Минской и Гродненской; среднее – южную часть губерний Минской и Гродненской и северную часть губернии Волынской; и южное – южную часть Волынской губернии и Каменец-Подольскую губернию.

Северное пространство представляет местоположение холмистое, волнообразное, имеет множество небольших озер, покрыто местами незначительными еловыми и сосновыми лесами и перерезывается одной рекой Вилией с ее притоками, которая впадает близ Ковно в Неман; грунт земли глинисто-песчаный или иловатый; производительность довольно бедная, и, исключая живописных берегов Вилии, вид страны довольно угрюмый. Деревни хотя часты, но населены по несколько дворов. Сбор хлеба едва удовлетворяет местной потребности, а привоз его из плодороднейших губерний России или из Царства Польского, по неимению хороших водяных сообщений, сопряжен с большими затруднениями; по недостатку хороших лугов и пажитей, скота содержится немного и замечен большой недостаток в лошадях. Коренные жители – жмудь и литовцы, которых язык несколько не сходен ни с русским, ни с польским, ни даже ни с одним из славянских, составляют класс земледельцев или крестьян. Торговый и промышленный класс образуют евреи, населяющие города и местечки. Дворянство же переселилось из Польши, и господствующий между ними язык – польский. Главный город в этом пространстве Вильно, бывший некогда столицей Литвы, за ним Гродно, Минск, Белосток и Ковно. Все другие города населены евреями и похожи не на города, а на местечки. Главные продольные пути, перерезывающие это пространство, пролегают: 1) от Риги и Митавы на Тауроген; 2) от Динабурга через Вилькомир на Ковно и через Свинцияны на Вильно и оттуда также в Ковно и 3) от Смоленска: через Минск, к Брест-Литовску и от Минска на Гродно. Поперечные пути из Вильно в Минск, и из Вильно через Гродно, Белосток и Брест-Литовск. Сверх того, находится много второстепенных путей и дорог, связывающих между собою города, местечки и селения. Нет сомнения, что самыми важными операционными путями могут служить пути между Динабургом и Ковною, Минском и Брест-Литовском, как части прямых путей, пролегающих от Петербурга и Москвы в Варшаву.

Среднее пространство составляет самую низменную часть всей западной полосы России. Река Припять, протекающая с запада на восток и впадающая в Днепр выше Киева, образует со своими многими притоками ряды сплошных болот, покрытых лесами, отчего и самая страна получила название Полесья. Грунт земли иловатый и местами песчаный; производительность самая бедная, население очень незначительно, и все города, местечки и селения рассеяны по оазисам, которые образуют собою небольшие песчаные холмы, лежащие между необозримыми болотами. Вид страны еще угрюмее, и если бы не судоходство в весеннюю пору по реке Припяти и ее притокам, то, несмотря на малое население этой страны, жители ее нуждались бы в собственном пропитании; скота и лошадей содержится еще менее. Народонаселение состоит из тех же литовцев, евреев и дворянства. Более замечательные города, находящиеся на этом пространстве: Брест-Литовск, Пинск, Мозырь и крепость Бобруйск, расположенная на реке Березине. Главный продольный путь есть тот же путь, проходящий от Минска к Брест-Литовску

и перерезывающий леса так называемой Беловежской пуши, который оканчивается к северо-западу от Полесья. Других продольных путей вовсе нет. Поперечные идут из Минска через Бобруйск или Несвиж и Слуцк на Мозырь и Овруч; из Пружан до Пинска и Ковеля и из Брест-Литовска до Владимира. Все пути представляют почти непрерывные дефиле и в весеннее, осеннее время и при сильных дождях непроходимы. Сообщения между селениями, или проселочные дороги редки, дурны, и для движения войск почти неудобны; беспрестанные туманы, дожди и сырой воздух делают климат Полесья очень нездоровым.

Напротив того, совершенно другую картину представляет пространство южное. Воздух благорастворенный, производительность богатая, местоположение холмистое, разнообразное, и стоки рек, впадающих с правой стороны в Припять и реки Северный и Южный Буг и Днестр имеют берега крутые, живописные, лес не тянется огромными полосами, но образует собою небольшие рощи, рассеянные по холмам и долинам, пажити и луга превосходные, скот содержится в изобилии. Судоходства по рекам нет, но это препятствует только сбывать излишние произведения земли и несколько останавливает промышленность. Селения часты и обширны. Народонаселение велико и состоит из трех сословий, туземных жителей, образующих собою класс земледельцев, которые составляли прежде племя чисто русское, но, мало-помалу, от подданства в продолжении с лишком двухсот лет Польше, они приняли и язык и обычаи польские, и стали исповедовать католическую религию и частью сделались униатами. Промышленный, или торговый, класс составляют евреи. Дворянство переселилось из Польши. Более замечательные города: Каменец-Подольск, Житомир, Овруч, Новгород и Владимир-Волынский. Главные продольные пути проходят из Киева через Житомир, Острог, Владимир и Устилуг, и из Киева в Каменец-Подольск; поперечных путей множество. Сообщения между городами и селениями превосходны.

Из этого краткого обзора западной полосы России можно вывести следующие заключения в отношении войны России с Царством Польским: 1) так как дворянство состоит большею частью из переселенцев из Польши, и самое народонаселение привыкло уже быть в подданстве за Польшей и сроднилось с нею и по языку, и по обычаям, и по религии, то Царство Польское могло быть уверенным, при благоприятном для себя обороте войны, в присоединении к нему всей западной полосы России, и потому для воспрепятствования этого необходимо надобно было в продолжение всей войны постоянно занимать эту полосу достаточным числом русских войск, чтобы сохранить в ней спокойствие; 2) что главные силы русских войск с большей быстротой и удобностью для наступательных действий на Варшаву могли быть сосредоточены в северном пространстве, но что устройство основания действий армии на этом пространстве должно было представлять большие затруднения по бедности страны и по недостатку средств для своза в определенные пункты запасов; 3) что при наступательном действии со стороны поляков им было бы выгоднее, напротив того, двинуть свою армию в Полесье, утвердиться в нем и открыть действия к северу против сосредоточивающихся главных сил русской армии и на юг, против войск, которые должны были следовать к границам Царства Польского из южных губерний, и что Полесье, по своей местности, представляло возможность удерживаться с меньшими силами против превосходнейших, и 4) что при восстании Литвы, Волыни и Подолии шайки инсургентов могли удобно образовываться в лесах Полесья, и, укрываясь от преследования превосходных сил, действовать постоянно наступательно на тыл русской армии, вошедшей в Царство Польское, разорять устроенное ею основание действий, разбивать русские войска, охраняющие основание, по частям, грозить на север Гродне, Белостоку, Минску и даже Вильне, а на юг – Житомиру и даже Киеву.

Царство Польское образует собою почти правильный четырехугольник, в центре которого находится Варшава, за исключением Августовского воеводства, которое протягивается узкой полосой к северу. Царство Польское содержит в себе 2200 квадратных географических миль и до 4 000 000 жителей. Река Висла, одна из самых важных рек в Царстве Польском,

протекая с юга на северо-запад, разрезывает его почти на две равные части, северо-восточную и юго-западную. Висла широка и судоходна во всякое время года по всему своему течению, начиная от города Кракова. Самые замечательные ее притоки с правой стороны: река Вепржа, впадающая верстах в ста выше Варшавы, и северный Буг, составляющий от Устилуга почти до Нура границу Царства Польского с Россией, впадает у Модлина в тридцати верстах ниже Варшавы и разрезывает от Нура северо-восточную часть Царства Польского на две части: северную и южную. Главный его приток Нарев, имеющий свое начало в Беловежской пуще, направляется на запад и потом, поворотив под углом на юг, соединяется у Сиероцка в тридцати верстах от Модлина с Бугом; второстепенный приток, речка Вкра, впадающая также с правой стороны близ самого Модлина. Замечательные притоки Вислы с левой стороны: река Пилица и Бзура; первая впадает верстах в пятидесяти выше Варшавы, вторая – верстах в пятидесяти ниже Варшавы. Реки Буг и Нарев от Нура и Ломзы судоходны и в летнее время. Вепржа и Пилица судоходны только в весеннее время и то для небольших судов, а Вкра и Бзура вовсе несудоходны. Сверх того, более значительные реки из находящихся в Царстве Польском: Неман, составляющая от Гродно границу Царства Польского, и Прасна, протекающая в Калишском воеводстве.

Климат Царства Польского умеренный; грунт земли или песчаный, или глинистый. Воеводство Плоцкое в особенности отличается вязким глинистым грунтом, растворяющимся при малейших дождях. Местоположение более ровное, и лишь изредка волнистое; берега рек круты и живописны. Южная часть вообще живописнее северной. Лесов множество и в особенности в воеводствах Седлецком и Люблинском. Лес большею частью хвойный и преимущественно сосновый. Болота находятся местами и не имеют значительного протяжения. Несмотря на довольно дурной грунт, поля обработаны хорошо, лугов достаточно, хлеб собирается в изобилии и скота содержится много. Селения часты, но невелики; число помещичьих мыз очень значительно. Крестьяне в довольно хорошем состоянии. Помещики же имеют огромные запасы хлеба. Главный промысел страны составляет земледелие и овцеводство; торговля остается за евреями. Города красиво выстроены и самые местечки более чисты и опрятны, нежели в западных губерниях. Варшава, столица Царства и главный город Мазовецкого воеводства, лежит на высоком крутом левом берегу Вислы, имеет 130 000 жителей, прекрасные и богатые здания, окружена предместьями, загородными садами и дачами; против Варшавы на правом берегу Вислы лежит предмостное укрепление с форштадтами, называемое Прагой. Из городов более других замечательны города: Плоцк, лежащий на крутом правом берегу Вислы, верстах в 100 от Варшавы, Калиш, Люблин, Ломжа, Остроленка, Пултуск и Лович. Крепостей во всем Царстве Польском находилось только две: Модлин и Замосц. Модлин лежит при слиянии Буга с Вислою, цитадель и главная крепость расположена на правом крутом берегу Вислы; цитадель соединена мостами с предмостными укреплениями, устроенными на левом берегу Вислы и на правом – выше впадения Буга. Цитадель построена бастионным фронтом и имеет каменную одежду; самая крепость также с бастионами и рavelинами, но каменной одежды не имеет; предмостное укрепление на левом берегу Вислы образует контр-гард, на правом – редант с редюитом.

Замосц находится в юго-восточной части Люблинского воеводства, окружен лесами и болотами; самая крепость невелика и несильна, но болота делают правильную осаду почти невозможной. Шоссе в 1831 году были проложены: 1) из Ковно через Ломжу, Остроленку и Зегрж на Варшаву; 2) из Брест-Литовска через Седлец на Варшаву, и 3) из Варшавы через Сохачево и Лович на Калиш и через Радом и Кельце на Краков. Постоянные мосты через большие реки находились: через Вислу в Варшаве и в Модлине, через Нарев в Ломже и Остроленке, через Буг в Зегрже и через Бзуру в Сохачеве. Сверх того, Царство Польское перерезано по всем направлениям сетью больших и проселочных дорог; все эти дороги в сухое время года прекрасны, но во время весенней и осенней распутицы и во время сильных дождей покрываются густым слоем самой вязкой грязи.

Армия, желающая оборонять Царство Польское со стороны России, если она не заняла прежде Полесья, может иметь следующие оборонительные линии:

1) По течению верхнего Буга от Устилуга до Нура и по верхнему течению Нарева до Ломжи; оборона северной части Августовского воеводства невозможна, иначе пришлось бы левое крыло армии растянуть на значительное расстояние и при движении неприятеля от Гродно на Райгород, или от Белостока на Ломжу оно подверглось бы совершенному отрезыванию. Но оставя и Августовское воеводство, эта оборонительная линия невыгодна, войска, занимающие ее, будут слишком растянуты и разделены между собою Бугом, так что при решительном и быстром наступлении неприятеля на одно какое-либо крыло армии, если оно будет отеснено или опрокинуто, другое может подвергнуться действию на тыл или отрезыванию.

2) От Ломжи по нижнему течению Нарева, по нижнему течению Буга от впадения в него Нарева и по Висле до границы Галиции. Эта линия одна из самых сильнейших и выгоднейших, несмотря на то что, обороняясь на ней, предоставляется неприятелю значительное пространство Царства Польского. Реки, ее образующие, вброд уже ни в какое время года непроходимы и наведение через них мостов сопряжено с большими затруднениями. Правый берег Нарева, начиная несколько ниже Остроленки, почти постоянно командует над левым, равно и левый берег Вислы над правым от Завихвостова почти до Модлина. При занятии этой линии части обороняющейся армии никогда не могут подвергнуться отрезыванию; подвоз продовольственных запасов не будет представлять ни малейшего затруднения. Владея Модлином, Варшавою и Сиероцком, обороняющаяся армия может на всех путях предупреждать неприятеля. Варшава, как столица и город, занимающий центр государства, без сомнения, составит главный предмет действия наступающей неприятельской армии. Если неприятель будет наступать на северную оконечность линии, то его можно удерживать на Нареве и действовать в то же время через Сиероцк в тыл его; если он перейдет, несмотря на это, на правый берег Нарева, то Варшаву совершенно прикроет Модлин, которого превосходное стратегическое положение даст возможность действовать на обоих берегах Вислы и Буга, а тактические выгоды делают оборону его необыкновенно сильной. Если неприятель направит главные свои силы на правый фланг оборонительной линии, то это, во-первых, заставит его переводить войска, собранные в северном пространстве западной полосы России, фланговым маршем, и даст обороняющемуся возможность предпринять наступательное действие по Брест-литовскому шоссе и разбивать их по частям; во-вторых, он должен будет брать Замосц или оставить значительную часть войска для его блокирования; в-третьих, если он, вступив в Люблинское воеводство, обратится снова на север, чтобы сблизиться с главным своим основанием действий, то его можно будет встретить на реке Вепрже, и, в-четвертых, если он двинется прямо к верхней Висле, то, удерживая его одною частью войск на переправе через Вислу, с другою открыть действия в тылу его, на транспорты и самое основание, что может и совершенно отвлечь его от переправы. Если же, наконец, неприятель будет наступать с фронта, то его можно удерживать первоначально на реке Ливец, имеющей хорошие оборонительные позиции, потом в лесных дефилях, через которые проходят шоссе и старая варшавская дорога; потом, или дать перед Прагою сражение, или отступить в Варшаву, и тогда неприятель, не имея возможности взять Варшаву с правого берега Вислы, должен будет снова отступить от Праги и прибегнуть к маневрированию, чтобы переправиться через Вислу выше или ниже Варшавы. И потому, при занятии этой оборонительной линии, для сохранения за собою наступательной силы, всего будет выгоднее оставить часть войск для обороны правого берега Нарева, а главные силы расположить на левом берегу Буга за речкою Ливец. Это даст возможность задержать неприятеля с фронта, действовать через Буг на его тыл, если он направится к Остроленке, и предупреждать его везде, если он вздумает обходить правое крыло. Если позиция на Ливце будет форсирована наступающим, или обороняющийся сам должен будет оставить ее по каким-либо причинам, он тогда отступит к Праге, и для того, чтобы удержать за собою вполне наступательную силу, не переводит

еще войска на левый берег Вислы, но старается удерживаться в треугольнике, образуемом Варшавой, Модлином и Сиероцком. Наполеон говорил, что кто владеет этими тремя пунктами, тот владеет всем Царством Польским. И действительно, если бы сильно укрепить Сиероцк и построить также полевые укрепления, заграждающие проход через лесные дефиле, ведущие от Седлеца и Лива к Праге, расположенную здесь армию трудно было бы атаковать и со стороны Седлеца, и еще труднее со стороны Пултуска, тогда как она может останавливать все покушения неприятеля переправиться через верхнюю и Нижнюю Вислу, действуя ему во фланг и тыл. Если же неприятель овладеет Сиероцком, подступит к Праге и займет правый берег Нарева, тогда уже оборонительной линией будет Висла.

3) Висла представляет также прекрасную оборонительную линию; наступающая армия может только предпринять через нее переправу выше Варшавы и ниже Модлина. Переправа ниже Модлина сопряжена будет еще с большими затруднениями и наступающий имеет возможность совершить ее только в двух случаях: 1) пожертвовав на время своими сообщениями, потому что войска, находящиеся в Модлине, откроют действия в тыл наступающей армии, двигающейся к нижней Висле, и 2) овладев самым Модлином. Но первое можно исполнить только в таком случае, когда Пруссия будет находиться в дружественном отношении к наступающей армии и позволит ей учредить в своих владениях временное основание действий; второе требует больших усилий и потерь, и не обещает еще верного успеха.

4) Если неприятель, несмотря на все препятствия, противопоставляемые ему обороняющимся, успеет совершить переправу через верхнюю или Нижнюю Вислу, тогда оборонительными линиями могут служить при переправе через верхнюю Вислу – река Пилица, через нижнюю – река Бзура. Река Пилица довольно широка и представляет по левому берегу хорошие оборонительные позиции. Река Бзура с притоком ее, болотистой речкой Равкой, представляет еще лучшие оборонительные позиции; обойти эту линию можно только на Раву, двигаясь при этом через леса и болота по дурным и едва проходимым дорогам, что даст обороняющемуся возможность разбивать наступающие войска по частям при совершаемом ими фланговом движении.

5) Если будет форсирована которая-либо из этих оборонительных линий, обороняющемуся уже остается защищаться в самой Варшаве и Модлине; но и тогда еще, владея этими двумя пунктами, он может продолжать обороняться с успехом, не ограничиваясь одной обороной, но беспрестанно переходя с одного берега Вислы на другой, нападать на отдельные части неприятельской армии; при этом на стороне обороняющегося будет та важная выгода, что наступающая армия будет если не вполне отрезана, то значительно отдалена от основания своего действия, и если бы обороняющийся успел образовать на этот случай значительное число инсургентов в Калишском воеводстве и открыть действия в тылу наступающего, а между тем удерживал его перед Варшавой, то, несмотря на все предшествовавшие его успехи, армия могла бы быть поставлена в крайнее положение и даже прибегнула бы к отступлению, которое если бы не повело к совершенному уничтожению, то ослабило бы ее и расстроило настолько, что она нескоро бы была в состоянии предпринять снова наступательные действия. Но если, напротив, наступающий успеет овладеть Варшавой и Модлином, – война может считаться вполне оконченной. Обороняющаяся армия, потеряв опору, немедленно подвергнется разбитию по частям.

Армия, предпринимая наступательные действия против Царства Польского, если неприятель не успел предупредить сбор ее войск в западной полосе России, движением своим в Полесье должна стараться открыть свои действия зимой, когда все реки, служащие оборонительными линиями неприятелю, покрыты льдом и не представляют почти никакого препятствия; в противном случае действия становятся сложнее и успех затруднительнее.

Армия для вступления в Царство Польское может принять направление тройное: 1) от Гродно и Белостока на Ломжу и Андружеево; 2) от Брянска и Брест-Литовска на Венгров и

Седлец, и 3) от Влодавы на Раджин и от Устилуга на Люблин. Первое направление войск хотя предоставляет во власть наступающего тотчас же все Августовское воеводство, но невыгодно тем, что заключает наступающую армию между такими двумя реками, каковы Буг и Нарев; второе ведет наступающего по самому прямому пути к Варшаве, но, представляя на каждом шагу дефиле и оборонительные позиции, дает возможность неприятелю упорно сопротивляться; третье направление могло бы быть самым выгодным: оно доставило бы средство совершить с большим удобством и быстротою переправу через верхнюю Вислу и начать по левому берегу наступление к Варшаве, составляющей главный предмет действий; но выбор операционной линии не столько зависит в этом случае от воли полководца, сколько от других обстоятельств, имеющих на этот выбор непосредственное влияние, а именно: от основания действий и от возможности сосредоточить на известные пункты большее число войск. Нет сомнения, что основание действий с большей бы выгодой могло быть устроено в Волынской и Подольской губерниях, нежели в губерниях Виленской, Гродненской и Белостокской области, – первые, богатые хлебными запасами и лошадьми, и граничащие с самыми хлеботорными русскими губерниями, могли бы доставить возможность в самое короткое время собрать запасы и свезти их в назначенные пункты, тогда как, напротив, в северном пространстве, бедном хлебом и лошадьми и отдаленном на значительное расстояние от хлеботорных губерний, устроение основания действий должно было быть сопряжено с величайшими затруднениями. Но большая часть пехотных корпусов расположена на постоянных квартирах в средней полосе России, тогда как на юге России находится одна резервная кавалерия, и сбор армии к границам Царства Польского, исполняемый с быстротою, может быть произведен: пехотных войск – в северное пространство западной полосы и резервной кавалерии – в южное пространство. Переводить войска из северного пространства в южное значило бы терять время в бесполезном передвижении и дать средство неприятелю, перейдя в наступательное положение, разбивать войска, совершающие фланговое движение, по частям. А потому основание действий должно обнимать собою всю западную полосу России, и операционная линия должна была быть двойная, причем необходимо для связи войск, направляющихся с севера и с юга, двинуть часть войск и от Брест-Литовска; но, во всяком случае, требуется при этом от наступающего быстрота в действиях и решительность, иначе обороняющийся, пользуясь центральным своим расположением в отношении разделенных сил противника, может нанести ему поражение по частям.

Если, таким образом, главные силы двинутся от Гродно и Белостока на Ломжу и Анджеёво, то им нет надобности форсировать переправу через Нарев, иначе они отделятся слишком далеко от войск, направляющихся от Влодавы и Устилуга, дадут неприятелю возможность открыть действия в свой тыл и будут встречены неприятелем между Модлином и Сieroцком; поэтому для наступающего всего выгоднее будет обратиться на Вышков или Брок и совершить там переправу на левый берег Буга; если неприятель не поспешит отступить при этом с Ливеца, он будет отрезан, а если отступит, то надобно будет соединиться, или, по крайней мере, приблизить к себе войска, действующие от Влодавы и Устилуга, заставить неприятеля принять бой, не допустив его до Варшавы, разбить его, штурмовать Прагу и заставить сдаться Варшаву. Но если Варшава будет продолжать упорствовать, и если при этом Висла не будет покрыта льдом, то взятие Варшавы с правого берега невозможно, и война может быть продолжительной. Наступающему надобно будет занять Прагу и, расположив близ нее сильный корпус войск, который не мог бы быть разбит при вылазке из Варшавы, прибегнуть к маневрированию и стараться совершить переправу через верхнюю Вислу, форсировать оборонительную линию на Пилице и наступать на Варшаву с юго-западной стороны, где она не прикрыта никакими естественными препятствиями, вступить в бой с неприятельской армией, если она выйдет навстречу, разбить ее или штурмовать Варшаву, если армия станет защищаться в самом городе, занять Варшаву, войти в прямую связь с корпусом, стоящим у Праги и восстановить свои прямые сообщения, и тогда скорое окончание войны несомненно; останется только овладеть Модлином.

Если же, напротив того, обороняющийся успеет воспрепятствовать переправе через верхнюю Вислу, противодействием с фронта, или, что еще хуже, разбитием войск, оставленных под Прагой для охранения прямых сообщений, оттянет наступающего на Брест-литовское шоссе и отнимет возможность всякого покушения для переправы через верхнюю Вислу, то окончание войны не только еще более замедлится, но и успех ее для наступающего останется сомнительным. Ему надобно будет повторить или опять то же наступление к Праге, чтобы стараться разбить неприятельскую армию, не допустив ее до Варшавы, или начать снова маневрирование, переменить операционную линию, искать содействия Пруссии, перейти опять на правый берег Буга, форсировать переправу через Нарев и предпринять движение для совершения переправы через Нижнюю Вислу в Плоцке и даже ниже Плоцка. Ясно, что такой сложный маневр весьма трудно привести в исполнение; обороняющийся или опять может предупредить переправу через Вислу, действуя с фронта, или, действуя на тыл, отрезая сообщения с Россией и разбивая все части войск, оставленные для прикрытия восточных воеводств Царства Польского. Но положим, что, несмотря на все эти препятствия, армия успела бы совершить переправу через Нижнюю Вислу и устроила бы временное свое основание действий в Пруссии, то и тогда успех ее был бы еще подвержен сомнению; ей надобно бы было или форсировать оборонительную линию на Бзуре, или предпринимать обход на Раву, и то и другое представляло бы большое затруднение и должно было быть сопряжено не только с значительными потерями, но и с опасностью, в особенности, если бы обороняющийся нашел при этом средства действовать частью войск из Калишского воеводства на тыл наступающей армии. Но если бы была форсирована и Бзура, тогда наступающая армия приобретает снова большой перевес над обороняющимся, ей останется быстро подступить к Варшаве и овладеть ею штурмом; чего бы ни стоил этот штурм, но он необходим, чтобы не дать возможности обороняющемуся перейти к каким-либо новым наступательным действиям. Если Варшава взята, и со взятием ее неприятельская армия еще не уничтожена и война не окончена, первое внимание наступающего должно быть обращено на овладение Модлиным; осада его или штурм могут быть произведены только с правого берега Вислы, со стороны главной крепости, и во всяком случае опять должны быть сопряжены с значительными потерями, и потому, если нет надобности спешить с окончанием войны и нельзя предполагать, чтобы она снова могла разгореться, выгоднее ограничиться блокированием, чтобы принудить гарнизон сдаться от голода. Блокирование Модлина трудно, но не невозможно. Со взятием Модлина война может считаться совершенно оконченною, наступающему останется только неумоимо преследовать остатки неприятельской армии и наносить им поражение.

I. Приготовление к походу и поход до границы

Новгород. – Корпусный штаб Гренадерского корпуса. – Холера. – Расставление карантинной линии. – Поездка в Петербург. – Слухи о возмущении в Польше. – Представление Клейнмихелю. – Возвращение в Новгород и выступление в поход. – Псков. – Граф Шадурский. – Динабург; бал в Динабурге. – Свенцияны. – Вильно; бал в Вильне. – Пустая тревога. – Барон Зальца. – Генерал Полуэктов и его штаб. – Поездка в Гродно. – Главная квартира. – Нейдгарт. – Толь. – Дибич. – Пребывание в Гродне. – Белосток. – Розен. – Цесаревич Константин Павлович. – Прибытие в Белосток главной квартиры и выступление за границу.

В октябре месяце 1829 года меня прикомандировали к части Генерального штаба Гренадерского корпуса, и я приехал в Новгород. Занятия по службе в продолжение зимы ограничивались черчением планов с 11 часов утра до 2 пополудни или дежурством у корпусного командира князя Шаховского вместо его адъютантов, бывших в то время в отпуску. Проведя все свое младенчество и первые годы юности в деревне, потом, при поступлении на службу, скитаясь по курным избам в старорусском поселении или просиживая по целым дням в юнкерской школе за книгой, я в первый раз увидел себя в городском обществе и отдался всем удовольствиям с полной к ним любовью; старался со всеми знакомиться, везде быть и не пропускал ни одного бала, ни одного вечера.

Гренадерским корпусом командовал генерал от инфантерии князь Иван Леонтьевич Шаховской. Он пользовался доверенностью Государя, общим уважением и любовью своих подчиненных. Довольно строгий и взыскательный по службе, он являлся добрым и ласковым хозяином у себя дома. Всегда был приветлив, внимателен; самые замечания его имели более вид наставления, совета, нежели выговора. Никогда даже самый выговор не заключал в себе ничего оскорбительного. Князь не ограждался недоступностью, всякий мог с ним говорить просто, прямо и откровенно. Любил он похлопотать, но никогда эти хлопоты не были утомительны для его подчиненных. Он ценил усердие по службе, знание дела, но ценил, вместе с тем, благородный и прямой характер, воспитание и образованность; старался узнавать каждого из окружающих себя сам, не доверял много рекомендациям и умел каждому отдавать должную справедливость и каждого держать так, как он того заслуживал. Он любил, чтобы молодежь собиралась повеселиться у него и был доволен, если встречал нас в домах хороших своих знакомых. Он не только интересовался знать, кто как и где проводит время, но какие имеет средства для жизни, где живет, и из кого состоят его родные; словом, входил во все частные мелочи и давал при этом добрые советы.

Начальник штаба, генерал-майор Владимир Осипович Гурко 2-й показывал необыкновенное уважение к князю, но, как нам тогда казалось, управлял всеми делами довольно самостоятельно. Держал себя гордо, редко награждал своею улыбкою или приветствием, всегда размерен, всегда строг, он не был при этом недоступным, и тот, кто имел уже случай приобрести его внимание и расположение, пользовался его полною доверенностью и любовью.

Полковник барон Зедделер, обер-квартирмейстер корпуса, был человек умный, с прекрасным светским и военным образованием, отличался любезными манерами, умел привязать к себе подчиненных.

Дежурный штаб-офицер, подполковник Родионов, был человек сухой, холодный, довольно исполнительный по службе и соразмеряющий свое обхождение с расположением в то время к тому лицу высшим начальником.

Адъютанты князя, Золотухин и Толстой, были добрые ребята, светские люди и хорошие товарищи. Адъютант Гурко, подпоручик Дайнезе, человек и умный, и образованный, знал

восточные языки, но был хитер и искателен. Старшие адъютанты, майор Граббе и штабс-капитан Сунцов, подобны были начальнику своему, Родионову.

Офицеры Генерального штаба состояли из: штабс-капитана Цеймерна, педанта, но человека доброго, поручиков: Брунова и Розенберга и подпоручика Бенгенстрале. Все они были и добрые товарищи, и хорошие офицеры; но Розенберг превосходил их и умом, и образованием, и высоким благородством своего характера. Прикомандированные к Генеральному штабу были: поручики Брадке и Печковский, подпоручики Петровский и я.

Лето 1830 года я провел на съемке Вяжицкой слободы, в восьми верстах от Новгорода, в заведывании работами, производившимися в округе полка императора Франца I, и потом в заведывании частью работ по устройству постоянного лагеря при Князем Дворе, которому только что тогда положено было основание. По окончании лагерного сбора я был произведен в подпоручики и возвратился опять в Новгород. Вскоре появление холеры заставило учреждать карантинные линии. Генерал Гурко, взяв с собою Розенберга и Брадке, сделал осмотр местности и учредил линию от Крестцов до нижнего Волхова. По возвращении Гурко отправился Зедделер для учреждения такой же линии от Пскова до устья Шалони и взял Печковского и меня. Мне досталось снять берега Шалони и расставить 3-ю бригаду 3-й гренадерской дивизии. Не будучи вовсе знаком с глазомерной съемкой, я не надеялся исполнить своего поручения, но подробные наставления, данные Зедделером, пояснили мне дело, и работой моей остались вполне довольны. По приезде в Новгород мы застали там начальника штаба военных поселений, генерал-адъютанта Клейнмихеля, присланного, по Высочайшему повелению, для общего расположения линий, ограждающих военное поселение. Клейнмихель, рассмотрев планы и отчеты, представленные генералом Гурко, и сравнив их с планами и отчетами полковника Зедделера, отдал предпочтение последним и попросил Зедделера собственно для него отметить карандашом, в чем именно состояли недостатки распоряжений генерала Гурко. Зедделер, увлекшись мелочным самолюбием и не взвесив могущего произойти от этого неудовольствия, принялся делать отметки, не слышал, как приехал Гурко, и уже заметил его только тогда, когда Гурко, введенный нарочно Клейнмихелем в кабинет, остановился перед ним с изумлением. Оскорбленный Гурко сделался с этой минуты врагом Зедделера, и это обстоятельство, по-видимому, ничтожное, оказало впоследствии весьма неблагоприятное влияние на первоначальное действие Гренадерского корпуса в польской кампании.

Вскоре начали носиться сначала темные и неопределенные слухи о близкой войне с Францией, но потом эти слухи мало-помалу получали более и более вероятия. Бельгия решилась отделиться от Голландии, Франция приняла сторону Бельгии и объявила войну Голландии, отказывавшейся признать независимость Бельгии. Россия, как по крайней мере писали в то время в журналах и говорили, намеревалась, по родственным отношениям царствующих домов, принять сторону Голландии. Говорили, что русская армия выступит в поход в Германию и составит из корпусов: Гренадерского, 1-го пехотного, Литовского и Польского; что Польский корпус будет составлять авангард, и что для этого он уже совершенно приготовлен к походу, войска его снабжены всеми военными запасами в большом изобилии. Полковник Зедделер, говоря с нами о разных распоряжениях правительства, находил, что хотя польские войска и хороши, но на них нельзя было много нам надеяться, и что правительство приняло совершенно ошибочное правило переводить всех поляков, служивших в русских войсках, в войска польские и литовские. «Два корпуса сформировать из одних поляков, всегда враждебных к нам, — это значит давать средства Царству Польскому для восстания, точить на самих себя ножи; припомните господа, — прибавлял он, — что это к добру не поведет».

Слухи о походе в Германию подтверждались; князь Шаховской, когда мы пришли поздравить его с праздником, шутя советовал нам чинить карандаши и запастись бумагою, прибавя, что скоро, может быть, будет работа более серьезная. На другой день были получены из Главного штаба подробные карты Северной Германии, при предписании генерал-квартирмейстера

к барону Зедделеру, чтобы офицеры Генерального штаба старались ознакомиться заблаговременно по картам со свойствами главных продольных путей, и через несколько дней получено князем Высочайшее повеление, чтобы господа полковые командиры приготовили к сдаче поселенные и резервные батальоны командирам поселенных батальонов и озаботились бы скорейшею постройкою по следующим срокам одежды и амуниции для действующих батальонов, приняли бы от артиллерии полное количество боевых патронов и привели в порядок обозы, для того чтобы, с получением первого повеления, иметь возможность сдать в несколько дней поселенные и резервные батальоны и выступить в поход по назначению. Мы были в восторге: идти в поход в Германию, снова война и война с французами – Сколько блестящих надежд роилось в душе у каждого! Сколько расспросов у старых офицеров, делавших наполеоновские кампании, какую особенную занимательностью дышали тогда их рассказы и как много говорили они юному воображению! Новгородское общество еще более оживилось; военных принимали еще с большим радушием, предвидя с ними скорую разлуку, и мы проводили время как нельзя приятнее. В конце ноября мне вздумалось съездить в Петербург, чтобы познакомиться с дядей, жившим в Царском Селе, взглянуть на Северную столицу и сделать себе обмундирование. Мне дали 28-дневный отпуск, и я отправился с поручиком Лебле, полковым адъютантом императора Франца полка. Из Ижоры, чтобы избежать карантина, мы должны были повернуть вправо на Колпино и въезжать в Шлиссельбургскую заставу. День был ясный, солнечный; ряды бесконечных и роскошных дач, Невский проспект со своими громадными зданиями и толпою гуляющих, – все это произвело на меня самое приятное впечатление. Петербург казался мне чем-то волшебным.

Мы остановились близ углового дома у Казанского собора, где жили мои двоюродные братья; квартира их была в четвертом этаже, довольно тесная, и надобно было взбираться по узкой и грязной лестнице. Дома я застал только старшего брата; был уже вечер, мы напились чаю, вышли на Невский проспект и зашли в кондитерскую Амбиеля. Первая газета, которая попалась мне в руки, была «Северная пчела», и первое известие, которое я прочел, было описание возмущения в Варшаве. Я показал эту статью брату.

– Да, это уже известно, – сказал он.

– Государь был нынче в разводе, – начал один человек в черном щеголеватом фраке, подсаживаясь ко мне, – рассказывал сам об этом возмущении и объявил гвардии поход.

Я было хотел его расспросить, но брат толкнул меня ногой, мы встали и вышли из кондитерской.

– Что это вы говорите о таких вещах в публичном месте? – заметил брат. – Может быть, это шпион.

На другой день я отправился в штаб военных поселений; генерал-майор Насакин, оберквартирмейстер военных поселений, принял меня тотчас же и приказал поспешить явиться к Клейнмихелю. В приемной Петра Андреевича ожидали его выхода человек десять офицеров и несколько чиновников. Вышел Клейнмихель и подошел прямо ко мне.

– А! Здравствуйте! Зачем вы здесь?

– В отпуск на 28 дней.

– Нельзя, любезный Неелов. Ваш корпус выступает на днях в поход, вы должны находиться при полку, отпуска запрещены.

– Я состою при штабе, как известно вашему превосходительству.

– Тем более, там теперь много работы и вы необходимы.

– Но мне крайняя нужда.

– Извольте, на две недели.

Потом он обратился к другим офицерам, и те, которые приехали на два и на три месяца в отпуск, получили разрешение пробыть не более пяти дней, несмотря на все их просьбы.

Через два дня приехал в Петербург Зедделер, и я узнал от него, что прикомандированные офицеры будут назначены помощниками дивизионных квартирмейстеров, что на место штабс-капитана Цеймерна, который останется в поселении, будет назначен дивизионным квартирмейстером капитан барон Зальца, а я буду состоять при нем его помощником. Успокоенный с этой стороны, я поехал в Царское Село, пробыл там дней восемь и возвратился в Новгород. Это было в первых числах декабря. Многие полки уже выступили в поход. Корпусный штаб должен был выехать через неделю.

В Новгороде встретили меня довольно неприятными новостями: Гурко решил оставить меня в Новгороде при штабе поселенных войск. Всем офицерам Генерального штаба и прикомандированным были уже розданы из сумм корпусного штаба на подъем деньги. Я решился во что бы то ни стало все это переделать и непременно идти в поход, если не со штабом, то просить возвращения в полк и отправиться с полком. Гурко, против обыкновения, принял меня довольно сухо и заметил с улыбкой, что в Новгороде оставаться покойнее и что заслужить внимание Зедделера не значит еще быть достойным внимания. Меня это оскорбило, и я, не зная, что отвечать на подобное замечание, просил только его содействия о назначении меня в действующие войска, и если я не могу оставаться при штабе, отправить меня в полк.

Гурко с удивлением посмотрел на меня и отвечал мне несколько мягче, но холодно и отрывисто, что я более принесу пользы, оставаясь при штабе поселенных войск, нежели даже сделав кампанию как фронтовой офицер, и что в штабе нет уже теперь денег для выдачи мне вспомоществования, необходимого для похода.

Я заметил, что хотя я и не имею денег, но согласен обойтись без всякого вспомоществования, и прошу об одном, чтобы мне позволили находиться при действующих войсках.

– Это уже кончено, – возразил Гурко, – вы останетесь в Новгороде; князь решил и донесено начальнику военных поселений, графу Толстому.

– Позвольте мне просить князя?

– Как хотите, но это не поможет, – заметил Гурко, скрываясь за дверь.

Я не знал, что делать; все приготавливались к походу, закупали вещи; одни жалели меня, другие, и в том числе Печковский, подшучивали над моим положением. Я, однако же, занял у адъютанта Быковского 100 рублей, потому что поездка в Петербург и обмундировка сделали меня совершенно без денег, и также тайком и понемногу готовился. Зедделер был еще в Петербурге, и на него возлагал я главную свою надежду. Но время между тем терять было нельзя; сряду два утра я ходил к князю, ожидая его в приемной, но все было бесполезно. Князь, думая, что я пришел с Гурко, или привыкнув видеть меня у себя за адъютанта, проходил мимо, не обращая на меня внимания; Гурко также проходил мимо, не докладывая обо мне и не говоря со мною ни слова. На третий день я пошел к князю вечером; он и вечером работал в кабинете с Гурко, но в приемной приготавливали чай; вскоре вошла в приемную княгиня с семейством; княгиня встретила меня ласково, пригласила за чайный столик, и через минуту вошли князь с Гурко. Ни тот, ни другой не удивились, найдя меня за чайным столом, потому что я очень часто бывал у князя запросто. Князь спросил у меня, почему я давно у него не обедаю, и занялся опять рассуждением о делах с Гурко; я не мог выбрать ни минуты, чтобы заговорить с ним; наконец, он встал и пошел к кабинету; но я уже вскочил, догнал его и объяснил свою просьбу.

– Да, братец, жалко, что ты с нами нейдешь... Владимир Осипович, а ведь можно бы, почему ж? Он молодой человек...

– Вы подписали, ваше сиятельство, донесение графу.

– Написать другое, что я нашел нужным...

– И сумм нет в корпусном штабе, а без денег собраться трудно. Я докладывал вашему сиятельству, что начальник 3-й гренадерской дивизии доносит, – начал Гурко, желая замять этот разговор.

– Да, да, пойдите же в кабинет, прочтите его донесение. Что, братец Неелов, делать нечего, – прибавил князь, обращаясь ко мне из дверей, – рад бы, да нет денег, а на нет и суда нет, – и скрылся.

Беспокоить его вновь я не смел и решил ожидать Зедделера. Зедделер приехал только за два дня до выступления штаба. Время, проведенное в ожидании решения своей участи, было для меня самым мучительным. Лишь только Зедделер вышел из саней, я был уже у него.

– Людвиг Иванович! Вы мне дали слово, но меня оставляют здесь.

– Не тревожьтесь, любезнейший! Вы пойдете с нами. Зайдите ко мне через два часа.

Я явился через два часа.

– Можете вы идти в поход без вспомоществования на подъем? – спросил Зедделер.

– Могу.

– Если так, хорошо! Вы идете, князь согласен. Собирайтесь.

На другой день потребовали меня к Гурко.

– Ну, любезный, – начал он, – если вы уже охотитесь идти в поход, так сослужите же нам службу, отправляйтесь завтра квартиргером для занятия квартир на станциях корпусному штабу, а по городам – квартир для меня и для князя.

– Мне выдадут прогоны, подорожную?

– Нет, ведь вы знаете, что все суммы розданы.

– Но это не вспомоществование.

– Знаю, но и прогоны вытребованы только на то число офицеров, какое было предназначено прежде.

– Позвольте хоть открытый лист, иначе я не достану нигде лошадей и за деньги.

– И этого не могу, почтеннейший. Губернатор жалуется и без того, что много берем подвод, надобно вам нанимать по вольной цене.

Я не мог ничего сказать более, так было мне досадно, и, не раздумывая долго, пошел сам к губернатору. Губернатором был действительный статский советник Демфер. Я нашел его в губернском правлении, объяснил ему, что еду квартиргером корпусного штаба, что мне необходим открытый лист на пару лошадей; но так как Владимир Осипович совестится просить еще открытых листов, то я решил просить его сам лично. Демфер позвонил в колокольчик, вошел чиновник, и он приказал ему тотчас же выдать мне открытый лист, прибавя: «Я этот лист не поставлю в счет взятых штабом подвод, а вы продиктуйте сами чиновнику, что нужно прописать, чтобы вам нигде не было ни малейшей задержки».

Вечером я пошел откланяться к Гурко.

– Ну, почтеннейший! Как же вы едете?

– С открытым листом, я выпросил его у губернатора, и этот лист не будет поставлен в счет подвод, взятых штабом.

– И прекрасно! Желаю вам счастливого пути; в Пскове увидимся.

Возвратясь на квартиру, я нашел у себя одного из родственников, Александра Петровича Савурского. Он принял поселенную роту, чтобы иметь более удобства для жизни, и как человек семейный, отказывался от честолюбивых замыслов. Мы любили друг друга искренно; это был человек и с умом, и с душою; с грустью он прощался со мною, думая, что я, может быть, уже не возвращусь более; наше свидание действительно было последнее, но я остался жив, а он сделался жертвою бунта поселян.

Вечером я объехал некоторых добрых знакомых, простился с ними, а наутро перекрестился, сел в сани и с каким-то радостным чувством выехал в Псковскую заставу.

С штабом ехал только дежурный штаб-офицер и адъютанты по дежурству; все другие отправились прямо в Псков. С подполковником Родионовым я сошелся несколько ближе, он рассыпался в похвалах мне и позволил, расписав квартиры по станциям, со станции Борович отправиться также прямо в Псков. В Пскове я остановился в гостинице Вельса; туда же

вскоре приехали и мои товарищи по штабу. По улицам беспрестанно звенели колокольчики; Псков казался и оживленным, и многолюдным. Офицеры Генерального штаба, назначенные состоять при главной квартире, неслись из Петербурга в Динабург, и останавливаясь, большею частью, только в гостинице Вельса, знакомились с нами, говорили о предстоящей кампании, и все были одушевлены самыми занимательными мечтами. В Пскове квартиры для князя, Гурко и всего штаба были уже отведены по распоряжению начальника 3-й гренадерской дивизии, генерал-лейтенанта Набокова, и мне оставалось только осмотреть их. Квартира полковнику Зедделеру назначена была в доме у губернского предводителя дворянства, Яхонтова. Это мне доставило случай с ним познакомиться, и я нашел в нем человека и доброго, и приветливого. 22 декабря вечером приехал в Псков главнокомандующий граф Дибич и, пробыв в городе часа два, отправился в Динабург. Толпы народа теснились на улице перед его квартирой, и каждый нетерпеливо желал взглянуть на забалканского героя, который спешил на новое поле брани, чтобы увенчать себя новыми лаврами. Все имели полную веру в его высокие военные дарования, и псковитяне, припоминая, что он находился в 1812 году у Витгенштейна, рассказывали друг другу, что он уже и тогда был одним из первых советников Витгенштейна, и что Псков обязан и ему своим спасением от грозного нашествия французов. «Что же, видели графа?» – спросил я у расходившейся по его отъезде толпы. «Видели, как же! Неуклюжий, да маленькой, а голова должно быть».

23-го числа были уже в Пскове князь и Гурко; Гурко встретил меня ласковее и просил 24-го же снова отправиться вперед. Обывательские лошади попались мне предурные, и я выехал из Пскова в 11 часов утра, поспел в Остров только в 12 часов ночи, утомленный и измученный. В Острове я едва отыскал себе квартиру. Мой хозяин, купец, весьма был недоволен постоем, в особенности на Рождество, и желая от меня избавиться, показал мне комнату нетопленную. Как мне ни досадна была подобная негостеприимность, но, не видя возможности отыскивать в такое позднее время новую квартиру, начал ложиться спать в холодной комнате, не сказав хозяину ни малейшего упрека за его невнимание. Это, казалось, его растрогало, он предложил мне комнату потеплее, а на другой день был до того обязателен, что дал лучшую свою комнату и угощал меня, чем только мог.

Витебская губерния представила для меня картину новую и грустную. Местоположение было более волнообразно; между холмами, довольно высокими, частью покрытыми лесом, виднелись обширные озера; снег застилал поверхность земли самым тонким слоем; и из-под него высывались огромные камни, которыми были усеяны все поля. Деревни были более бедные и часто состояли из дымных лачужек с небольшими двориками. Крестьяне, с унылыми и грустными лицами, некрасивые наружностью, прикрытые одними лохмотьями, показывали ясно всю бедность этой страны и тяготившую их нищету. Местечки и города были многолюднее наших великороссийских городов, но вообще отличались нечистотою. Большая часть жителей состояла из евреев, которые, в своем длинном наряде, с ермолками на головах и босиком, толкались по улицам и суетились, как будто занятые какими-то важными хлопотами. В городе Люцене сходились на дневку два полка. Городок этот бедный, нечистый, и потому я был в большом затруднении отыскать сколько-нибудь годные квартиры для князя и Гурко. Исправник предложил мне отправиться за шесть верст на мызу графа Шадурского, уверяя, что у графа великолепный дворец, и он не откажется принять у себя князя и корпусный штаб, тем более что он сам служит губернским предводителем. Я согласился, оставил человека в Люцене, и уже вечером поехал вместе с исправником к графу Шадурскому. Великолепный дом был ярко освещен, гремела музыка, в окнах мелькали танцующие пары, у графа был бал. Исправник, вместо того чтобы идти со мной прямо к графу, провел меня по узенькой и грязной лестнице в какую-то контору и пошел доложить графу, оставив меня в конторе, как будто бы для того, чтобы быть свидетелем участи бедных крестьян, принадлежащих польским магнатам. Граф пировал и веселился, а его приказчик отнимал у нищих почти людей последний рубль, пытая их розгами

и побоями. Через полчаса возвратился исправник и попросил меня следовать за собою; мы прошли несколько темных коридоров и вступили в освещенные залы; исправник хотел меня взять под руку, чтобы представить графу, но я отказался от этой излишней учтивости и пошел опять за ним. Миновав обширные залы, мы вошли в большую гостиную, наполненную ломберными столами, за которыми сидели играющие. В стороне от гостиной была бильярдная и там раздавались удары киями, катанье шаров и смех. Мы остановились перед одним из столов, и исправник с подобострастными и униженными ужимками показал мне на графа Шадурского. Это был человек небольшого роста, с серыми и тусклыми глазами, худенький, с незначительной наружностью и с надменной миною. При моем приближении граф было привстал, но потом опять опустился, не пригласив меня сесть на близ стоящее незанятое кресло, и, выслушав мою просьбу рассеянно, продолжал играть.

– Хорошо, – сказал он, обратясь к исправнику, когда я кончил, – покажите господину офицеру для его корпусного командира и штаба комнаты внизу, те самые, о которых я вам говорил.

С этим словом он кивнул мне небрежно головой, и я опять пошел за исправником, вполне раздосадованный подобным приемом.

Мы снова спустились по узкой лестнице вниз и долго шли по темным и довольно холодным коридорам, освещенным только одной свечой, которую нес в руках исправник. Наконец, исправник отворил дверь и ввел меня в две сырые со сводами комнаты. Мебели в них не было никакой, исключая кровати, покрытой соломой, и стола из простого дерева.

– Как?! – спросил я. – Это для корпусного командира и всего штаба?

– Да-с, так угодно графу.

– Это бессовестно.

– Воля графа-с – я здесь ничего.

– Прекрасно! Скажите графу, что я занимаю эти комнаты и буду ожидать здесь князя, пусть он увидит, как русских генералов принимают польские магнаты, которые сами занимают места предводителей. Это покажет образ мыслей и дух здешнего дворянства, и, вероятно, не останется неизвестным Государю.

Исправник посмотрел на меня с удивлением.

– Как же, – спросил он после минутного молчания, – вы здесь останетесь ночевать?

– Да, если вы меня завезли сюда; со мной ничего нет, теперь одиннадцатый час, я устал и лягу здесь.

– А как же свеча?

– Разве граф не может пожертвовать и свечой?

Исправник смешался и вышел. Я лег на постели, завернувшись в шинель, и проклинал графа.

Через несколько минут вошел снова исправник.

– Граф, – сказал он, – просит вас наверх, чтобы переговорить...

– Скажите вашему графу, – отвечал я отрывисто, – что после его грубого приема я к нему не пойду, и уверьте его, что я буду здесь непременно ожидать князя.

Исправник хотел меня убеждать исполнить беспрекословно волю графа, но я ему ответил довольно резко; он более не настаивал и вышел. Явился ко мне, однако же, с тою же просьбою кавалергардского полка штабс-ротмистр, но уже предложил ее учтиво, в чем-то извиняя графа.

– Скажите, сделайте одолжение, ротмистр, – возразил я ему, – вы, вероятно, точно так же оскорбились бы тем приемом, который был мне сделан графом и не пошли бы на моем месте к нему; зачем же советуете идти мне? Я не знаю графа, но думаю, что кто позволяет себе делать подобные невежливости, тот не может иметь никакого образования, а кто уделяет из великолепных своих палат сырые подвалы для помещения таких заслуженных генералов как князь Шаховской, который должен пользоваться уважением всех русских, тот не русский

в душе, и я вижу в графе не соотечественника, но одного из числа тех неприятелей, против которых направляется русская армия.

– Это мой родной брат, – заметил штабс-ротмистр.

– Тем хуже для вас как офицера русской гвардии.

– Простите ему великодушно; это произошло от недоразумения.

– Недоразумения быть не могло, – возразил я. – Скажите лучше, от пренебрежения к званию генерала или от невнимания к словам русского офицера.

– Уверю вас, нет.

– Я считаю себя оскорбленным графом, и не пойду к нему.

Штабс-ротмистр скрылся, и вскоре явился в сопровождении самого хозяина дома и исправника; последний выступал за графом как-то робко, дрожа как осиновый лист.

– Цо то есть? – начал граф, обращаясь к исправнику. – Вы, сударь, бестолковы! Отвести подвалы! Разве я это приказал вам сделать?

Исправник молчал и низко кланялся; я видел, что это все была комедия, но заранее был доволен ее развязкой.

– Ради Бога, простите меня, – сказал граф, подавая мне руку. – Виноват, крайне виноват, но вините не столько меня, сколько нашего исправника, это не для вас комнаты. Вы расположитесь наверху в моем кабинете, а для князя и его штаба весь мой бельэтаж к услугам. Это недоразумение, верьте же мне, недоразумение, и потому не помните зла и согласитесь быть моим гостем на сегодняшнем бале.

Упрямыться далее было бы смешно; цель моя была достигнута: граф пришел извиниться сам, и все могли надеяться получить прекрасное помещение. Он взял меня ласково за руку, мы вошли в танцевальные залы; он представил меня некоторым почетным дамам, ловко, любезно извиняя, что я в походной форме, и я, несмотря на усталость, танцевал до трех часов утра. Бал был самый оживленный. Это была первая моя встреча с польским обществом. Дамы, девушки казались мне грациозными и любезными; мужчины несколько надменными. Я был в каком-то совершенно новом для меня мире: незнакомые вовсе лица, совершенно иной порядок бала, общая непритворная веселость, бесконечные танцы и польский язык, как-то странно звучащий в ушах, все это казалось мне каким-то чудным волшебным сном. Разговор дам и девушек я понимал хорошо, сам же объяснялся частью по-французски, частью коверкая русский язык на манер польского; из этого выходила странная смесь; меня, однако же, также, кажется, понимали, нисколько не смеялись, и ловкие паненки с первого же вечера начали мне давать уроки в польском языке. Отужинав и переночевав у графа, я уехал от него на другой день поутру, расставшись совершенно дружески. Я уже не осматривал назначаемых помещений: граф уверял, что все будут ими довольны. И в самом деле, как я после узнал, князь и Гурко проехали из Пскова прямо в Динабург, но штаб пировал у графа два дня, угощениям не было конца; он сделал новый бал и говорил обо мне с чрезвычайною похвалою. А я рассказал товарищам первый его прием, и мы вместе посмеялись.

Подъезжая к Динабургу и открыв издали крест высокого его костела, я долго искал глазами крепости и увидел ее уже тогда, когда проехал старый форштат и въехал в самые крепостные ворота; гласис совершенно прикрывает ее стены. Динабург небольшой, но довольно хорошо обстроенный городок; в крепости здания каменные, большею частью казенные; два форштата: старый и новый, первый на две, а второй на три версты от крепости, имеют чистые правильные улицы и красивые деревянные домики. В Динабурге мне не было надобности осматривать квартиры: они были уже назначены комендантом в казенных зданиях.

31 декабря, на другой день моего приезда, мы отправились в динабургское собрание. Зала состояла из длинной комнаты, обнесенной по стенам высокими скамейками, на которые надобно взбираться по трем ступенькам; пол не был устлан паркетом, и для того, чтобы избежать пыли, лакеи по несколько раз в вечер приносили мокрые простыни, опускали их на пол,

держа за четыре конца, и собирали таким образом пыль. Посетителей было много, в том числе князь, весь его штаб и офицеры проходящих полков. Новый год мы встретили в собрании. На другой день сделал для нас обед добрый старичок комендант генерал-майор Гельвиц. В Динабурге мы получили от главнокомандующего новые маршруты, по которым движение корпуса было несколько ускорено, дневки назначены через три и четыре дня.

Через станцию от Динабурга въехал я в губернию Виленскую. Местоположение становилось более приятным, крестьяне казались довольнее, и не было явных признаков той грустной нищеты, которая поразила меня при въезде в губернию Витебскую.

В Свенциянах мне отвели квартиру у еврея, холодную и нечистую, со скверным запахом, неразлучным с жилищем евреев; вечером, когда подали огонь, я увидел через улицу в небольшом домике освещенную хорошенькую комнату и, узнав, что там живет уездный лесничий, пошел с ним знакомиться, чтобы просидеть у него вечер и не оставаться это время у евреев. Он принял меня радушно, напоил чаем и предложил купить у него для похода под верх лошадь. Не зная никакого толку в лошадях, я положился на его слова, заплатил ему сто сорок рублей ассигнациями, не видя лошади, и, оставив в Свенциянах человека, чтобы довести лошадь до Вильны, отправился на другой день в Вильну и приехал туда перед вечером 5 января.

Вильно показалось мне прекрасным, большим и многолюдным городом. И в самом деле, высокие горы, ее окружающие, извивающаяся в крутых берегах Вилейка делали окрестную местность очень разнообразной. Некоторые отдельные здания, занимавшие часть гор, и стройные пирамидальные тополя, представившиеся в первый раз моим глазам, придавали много живописности городу. Дома каменные, довольно большие, красивые, с множеством вывесок, беспрестанно разъезжающие экипажи, напоминали мне несколько Петербург. Вильно казалась мне даже многолюднее, а узкие улицы, увеличивавшие в глазах размеры домов, скрывали разницу, существующую в зданиях двух этих городов. Князь, Гурко и офицеры Генерального штаба, обогнав штаб на походе, были уже в Вильно. Въехав в большой город, я думал быть в большом затруднении, каким образом отыскать себе квартиру и узнать, кто где остановился; но мои опасения продолжались недолго. Лишь только я въехал, как к моим саням подошел еврей и снял почтительно ермолку.

– Да позволит пан узнать фамилию? – сказал он.

– На что тебе?

– А може, я пану буду пригоден. Я фактор.

Я знал уже по рассказам, что факторы, которыми изобилует Литва и Польша, народ полезный: они все знают, все отыщут, служат как нельзя усерднее и довольствуются самою малою платою.

– Неелов, – отвечал я ему.

– Пан при штабе.

– Да.

– Угодно пану проводить его на квартиру?

– Куда?

– Пану показана квартира с Розенбергом, Бруновым и другими, но если пан позволит себя проводить, то не брал бы уже другого фактора.

Я немало удивился его сведениям, дал ему слово иметь его фактором, попросил сесть на козлы, и он привел меня на большую улицу к высокому каменному дому, где в четвертом этаже я нашел всех товарищей и еще одного офицера Генерального штаба, поручика Шредера, который был назначен дивизионным квартирмейстером 3-й гренадерской дивизии. Квартира наша состояла из трех небольших комнат, довольно хороших. В Вильно мы прожили с неделю и проводили время очень приятно. Утром работали часа по два у Гурко или у Зедделера, потом расходились со своими факторами, для того чтобы осмотреть город или купить кой-какие вещи; обедать собирались в лучшую ресторацию Милера, играли на бильярде, а вечером или отправ-

лялись в театр, или в кондитерскую. В Шредере я нашел и образованного офицера, и хорошего товарища. Бракке назначен был адъютантом к князю. Петровский, управлявший письменными делами по части Генерального штаба и пользовавшийся особенною доверенностью Зедделера, был уже в меньшей милости. В Вильно мы узнали, что Государь разрешил выдать на вспомоществование офицерам полугодовое жалованье фронтовыми ассигнациями, а тем, которые обязаны иметь верховых лошадей, серебром; но, по странному повелению главнокомандующего, офицеры, прикомандированные к Генеральному штабу, хотя должны были делать кампанию верхом, получили вспомоществование наравне с фронтовыми. Как ни досадно было подобное повеление, но я вполне был доволен и 250 р. ассигн., которые мог получить в скором времени. Я купил себе гусарское седло, но о выюках не мог и думать, потому что едва доставало денег на вседневные расходы, так что я и теперь не могу понять, как я, имея при выезде из Новгорода 150 р. ассигн. и получив в Динабурге третнее жалованье, мог купить лошадь и седло, и доехать до Вильно, не отказывая себе даже в удовольствиях. Лошадь мою нашли все крепкой и здоровой, но смеялись, что я на 140-рублевой лошади хочу сделать всю кампанию. Однакож, оказалось, что моя серенькая лошадка перещеголяла лошадей тысячных и прекрасно отслужила мне всю войну.

В Вильно генерал-губернатором был генерал-адъютант Храповицкий, командовавший незадолго перед тем 3-й гренадерской дивизией. По случаю прибытия штаба Гренадерского корпуса в Вильно он приказал дать бал в зале собрания, находящегося в обширных комнатах ресторации Милера. Говорили, что поляки хотели отказаться от этого бала, но им велено было приехать – правда ли это, не знаю. Зала была великолепная, большой оркестр музыки помещался на хорах. Из лавровых, померанцевых и лимонных деревьев была устроена круглая аллея; в середине сидели дамы и круг предназначался для танцев; самая аллея – для прогулки отдыхающих, а за аллеей, по углам залы, стояли ломберные столы. Посетителей было уже до 500 человек, но бал не открывался, музыка молчала, потому что не приезжал еще Храповицкий, который, как казалось, поджидал с своей стороны князя. Полуэктов, генерал-лейтенант и начальник 2-й гренадерской дивизии, давно уже любезничавший с дамами и соскучившийся ожиданием, приказал музыке играть и открыл бал польским. Вскоре явился Храповицкий; Полуэктов встретил его и объявил, что он уже распорядился. Храповицкий не совсем был доволен, но, сохраняя вежливость, ему оставалось только благодарить Полуэктова и извиниться, что он сам опоздал. Заметив потом вошедшего князя в сопровождении Гурко, Полуэктов в несколько шагов очутился перед князем, схватил его за руку, и как князь ни отнекивался, ни пятился назад с большой неловкостью, Полуэктов уже увлек его по зале, ввел в круг и представил почетнейшим дамам виленского общества. Отделавшись от Полуэктова и его представлений, князь поспешил скрыться в аллее и прохаживался скромно, уступая первую роль Полуэктову. Бал был изящный, но не вполне оживленный и непродолжительный; по отъезде князя и Храповицкого все спешили тотчас же разъехаться.

Ни князь, ни Храповицкий не доверяли расположению виленских жителей, подозревали какие-то заговоры, давали наставление караулам быть осторожнее и приказывали нам иметь все свои вещи уложенными и при первой тревоге являться в дом генерал-губернатора. Эти опасения день ото дня усиливались, и раз, когда мы собрались поутру в кондитерскую, прибежал туда топограф и подал записку от Зедделера. «Господа, – писал он, – будьте готовы, уложите вещи, прикажите оседлать лошадей и при первом ударе в барабаны спешите в дом генерала Храповицкого». Мы бросились на квартиру, приготовились; по улицам была какая-то суета, верховые скакали вперед и назад, народ проходил толпами, экипажи неслись быстрее. «Что мы будем делать, если вспыхнет возмущение? – говорили мы. – Нам трудно будет добраться до дома Храповицкого, нас могут захватить в самой квартире». Мы осматривали все выходы из дому и часа три пробыли в самом неприятном ожидании. Вдруг раздался стук барабана; народ на улицах зашумел, мы опрометью бросились с лестницы, сели верхами, выехали за ворота и

увидели спокойно вступающий в Вильно один из гренадерских полков. Со смехом возвратились мы назад, а через полчаса узнали, что вся тревога произошла от того, что Храповицкий открыл у жителей заготовленное оружие; отправлена была команда забрать его, и оказалось, что все это оружие состояло из двух плохих ружей, четырех пистолетов и двух старых сабель. Это оружие с триумфом принесли к Храповицкому и по следствию нашли, что хозяин оружия владеет им уже около десяти лет и удержал его у себя потому, что, будучи больным, не имел случая читать повеления генерал-губернатора сдать все оружие в арсенал.

Из Вильно 2-я гренадерская дивизия должна была отделиться от 1-й и 3-й дивизий, направляемых на Ковно, и следовать в Гродно, где находилась главная квартира фельдмаршала; поэтому должность моя квартиргера корпусного штаба с приездом в Вильно окончилась; корпусный штаб оставался при 1-й и 3-й дивизиях, а я, как назначенный помощником дивизионного квартирмейстера 2-й гренадерской дивизии, поступил в штаб дивизионный. В Вильно приехал и капитан барон Зальца; он служил прежде при департаменте военных поселений, находился и на съемках, был человек образованный, умный, приветливый, вполне способный, но незнакомый еще вовсе со службой при войсках, до крайности ленивый и избалованный спокойной петербургской жизнью. Я заехал к нему в гостиницу; с первой же минуты познакомился с ним довольно близко, и мы согласились отправиться до Гродно вместе. С бароном Зальца ехал из Петербурга Генерального штаба поручик Гассинг, только что переведенный из корпуса путей сообщений, добрый малый и прекрасный товарищ. От Зальца я поехал явиться к Полуэктову, который был непосредственным моим начальником, потому что я считался в одном из полков его дивизии. Я слышал, что он обходится со своим штабом очень фамильярно, но никак не ожидал, чтобы эта фамильярность могла простираться до такой степени. В кабинете его сидели в халатах: адъютант гвардии штатс-капитан Полторацкий и гевальдигер Овцын, дивизионный доктор Кустов и подпоручик одного со мною полка, товарищ по школе, князь Шаховской, находящийся на постоянных ординарцах у Полуэктова; каждый из них говорил громко, не обращая никакого внимания на генерала, который слушал сидя за столом доклад и ввязывался порою также в их разговор. Сам он был в военном сюртуке без эполет и без галстука, а докладывавший ему старший адъютант, поручик Карпов, хотя в галстук, но в халате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.